

DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-1-164-187

Научная статья / Research paper

П.А. Шариков*

ЭВОЛЮЦИЯ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ США: ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ, ПРИОРИТЕТЫ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт Европы Российской академии наук»,
125009, Москва, Моховая ул., 11, стр. 3*

Одним из наиболее динамично развивающихся и востребованных направлений современной внешней политики США остается публичная дипломатия. Как таковая американская публичная дипломатия — ее институциональная структура, принципы функционирования, ключевые приоритеты и т.д. — не раз становилась предметом изучения как в российской, так и в зарубежной академической литературе. В то же время для более полного понимания ее современной специфики и перспектив развития представляется целесообразным попытаться вписать ее в более широкий контекст, учитывающий общую логику эволюции политической системы США. Именно этой цели посвящена данная статья. В первой части обозначены основные внутриполитические факторы, обусловившие развитие американского внешнеполитического механизма, и выявлены ключевые этапы его трансформации. Автор заключает, что одной из магистральных линий в рамках почти 250-летней истории американской политической системы была ее поступательная демократизация, призванная подключить к политическим процессам все группы населения. Во второй части статьи проанализированы роль и место публичной дипломатии в структуре современной американской внешней политики. Автор отмечает, что под воздействием новейших информационно-коммуникационных технологий важнейшими факторами внутриполитической конкуренции в США в XXI в. стали публичность и организация связей с общественностью. Интернет, социальные сети открыли практически неограниченные возможности для политической агитации как внутри страны, так и за ее пределами, придав новый импульс развитию американской публичной дипломатии. В то же время цифровые технологии породили и новые

* Шариков Павел Александрович — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Института Европы РАН, старший научный сотрудник Центра трансатлантической безопасности МГИМО МИД РФ; доцент факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: pasha.sharikov@gmail.com).

вызовы, актуализировав задачу обеспечения информационной безопасности в условиях распространения социальных сетей. Одновременно, как показано в третьей части статьи, новое звучание приобрели проблемы оценки эффективности публичной дипломатии США, в том числе по ее приоритетным направлениям. Автор заключает, что в этом контексте особый интерес с точки зрения будущих исследований представляет изучение опыта взаимодействия США с политически и идеологически близкими им странами Европейского союза, что позволит лучше понять возможности и границы американского инструментария публичной дипломатии, опирающегося на структуры развитого гражданского общества.

Ключевые слова: публичная дипломатия, «мягкая сила», Государственный департамент, Агентство по международному развитию, США, информационная безопасность, Б. Обама, Х. Клинтон

Для цитирования: Шариков П.А. Эволюция публичной дипломатии США: внутривнутриполитические детерминанты, приоритеты и новые вызовы // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2023. Т. 15. № 1. С. 164–187. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-1-164-187.

Pavel A. Sharikov

EVOLUTION OF US PUBLIC DIPLOMACY: DOMESTIC POLITICAL DETERMINANTS, PRIORITIES AND NEW CHALLENGES

*Institute of Europe, Russian Academy of Sciences,
11-3, Mokhovaya Str., Moscow, Russia, 125009*

Public diplomacy remains one of the most dynamic and important areas of the modern US foreign policy. As such, the US public diplomacy, — its institutional structure, principles of functioning, key priorities, etc. — attracts increasing attention within both Russian and foreign academic literature. However, for a more complete understanding of the contemporary US public diplomacy specifics and prospects, it seems appropriate to try to fit it into a broader context of the evolution of the US political system in general. The first section of the paper identifies the major domestic political factors that determined the development of the US foreign policy mechanism, as well as the key stages of its evolution. The author argues that one of the key trends in the almost 250-year history of the American political system development was its gradual democratization, aimed to promote inclusion of a larger section of population in political processes. The

second section examines the role of public diplomacy within the framework of the contemporary US foreign policy. The author notes that the latest developments in information and communication technologies have turned publicity and PR-campaigns into the most important factors of domestic political competition in the United States in the 21st century. The Internet and social networks have opened up virtually unlimited opportunities for political campaigning both inside and outside the state, giving a new impetus to the development of the US public diplomacy. At the same time, digital technologies have also generated new challenges, raising the problem of ensuring information security in the face of expansion of social networks. In this regard, the third section touches upon the issues of evaluating the effectiveness of the US public diplomacy. The author concludes that in terms of possible directions for further research the interactions between the United States and the EU countries which share common values are of particular importance. This may allow for a better understanding of the possibilities and limits of the US public diplomacy tools based on the institutions of a developed civil society.

Keywords: public diplomacy, soft power, State Department, USAID, USA, information security, B. Obama, H. Clinton

About the author: Pavel A. Sharikov — PhD (Political Science), Leading Research Fellow, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences; Senior Research Fellow, Institute of International Studies, MGIMO University; Associate Professor, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: pasha.sharikov@gmail.com).

For citation: Sharikov P.A. 2023. Evolution of US public diplomacy: Domestic political determinants, priorities and new challenges. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 15, no. 1, pp. 164–187. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-1-164-187. (In Russ.)

Изучение механизма принятия внешнеполитических решений в США традиционно было одним из приоритетных направлений исследований отечественных американистов. Выдающиеся ученые из Института США и Канады РАН, Института мировой экономики и международных отношений, МГИМО и иных организаций внесли заметный вклад в понимание особенностей функционирования этого механизма [Арбатов, 1970; Рогов, 2001; Баталов, 2005; Богданов, Кокошин, 1979; Войтоловский, 2007; Согрин, 2022; Картунов, 2022; Иванян, 2000; Самуйлов, 2009; и др.]. В работах отечественных американистов внешняя политика США традиционно изучается либо в контексте двусторонних/многосторонних отношений с дру-

гой страной, регионом или организацией, либо применительно к определенной сфере мировой политики (нераспространение ядерного оружия, глобальное изменение климата и т.п.). В то же время в большинстве публикаций, посвященных американскому внешнеполитическому механизму, он, как правило, анализируется с точки зрения взаимодействия различных институтов в процессе принятия внешнеполитических решений: Совета национальной безопасности (СНБ), разведывательных агентств, Государственного департамента и профильных комитетов Конгресса. Не являются в этом отношении исключением и работы непосредственно о публичной дипломатии США, в изучение которой особый вклад внесли научные сотрудники Санкт-Петербургского государственного университета [Цветкова, 2020; Фокин, 1999; Козлов, 2012; Долинский, 2011; Паршин, 2020; Барышников, 2013]. Данная статья призвана объяснить одно из наиболее динамично развивающихся и востребованных направлений современной внешней политики США — публичную дипломатию — через призму внутриполитического развития. В ней предпринимается попытка проанализировать причины и предпосылки становления и последующей эволюции американской публичной дипломатии в более широком контексте развития внутриполитической системы страны и на этом основании предложить новый взгляд на особенности применения соответствующего инструментария в современных условиях.

Автор намеренно воздерживается от оценки внешнеполитических задач, которые решает американская внешняя политика, но концентрируется исключительно на объяснении применяемых инструментов.

Внешнеполитический механизм США в контексте развития политической системы страны

История американской внешней политики началась даже раньше, чем создание ныне действующей политической системы. Дипломатия и установление союзнических отношений с европейскими державами сыграли решающую роль в победе в Войне за независимость. В революционный период, когда государственные институты находились еще в зачаточном состоянии, американской дипломатии, «действуя с позиции слабости, удалось использовать противоречия великих держав, чтобы отстоять свою независимость» [Печатнов, Манькин, 2012: 26].

Государственный департамент США — ровесник американской политической системы — был учрежден в 1789 г. одним из первых законов, принятых первым созывом Конгресса. Государственный секретарь и сегодня остается самой влиятельной официальной фигурой в системе государственной власти, не избираемой на выборах. В частности, в Законе о порядке преемственности президента¹ государственный секретарь занимает четвертое место после вице-президента, спикера Палаты представителей и временного председателя Сената.

В конце XVIII в. отцы-основатели США в поисках оптимальной модели управления сформировали гибрид, совместивший правовые традиции британской монархии и республиканизм, воспринимавшийся в то время как дерзкий эксперимент. Созданную в тот период форму правления можно охарактеризовать как аристократическую республику.

В ходе событий Американской революции и учреждения государственных институтов на протяжении шести десятилетий до Джексоновской революции 1828 г. американский государственный аппарат был не просто консервативным — он представлял собой закрытое иерархическое «правительство джентльменов» [Viereck, 1952]. Государственная служба, включая и военную, и дипломатическую, фактически была уделом аристократии. Это закреплялось тем, что правом участвовать в политической жизни, т.е. активным и пассивным избирательным правом, обладали лишь богатые белые мужчины, а многочисленные цензы не допускали к этому процессу женщин, малоимущих, не говоря о рабах.

Внешнеполитический механизм, таким образом, в период учреждения американской государственности был создан для того, чтобы проводить внешнюю политику в интересах состоятельных белых американцев — эквивалента аристократии в условиях республиканской формы правления. Дипломатия, подобно офицерской военной службе, была закрытой сферой, практически недоступной большинству населения. В 1950-е годы С. Хантингтон, рассуждая об офицерской службе как о профессиональной деятельности, характеризовал ее как «государственную бюрократическую профессиональную корпорацию» [Huntington, 1957: 8]. Можно провести и ряд

¹ 61 Stat. 380 (Pub. Law 80-199): An act to provide for the performance of the duties of the office of President in case of the removal, resignation, death, or inability both of the President and Vice President // Library of Congress. P. 380. Available at: <https://tile.loc.gov/storage-services/service/ll/lsl//llsl-c80s1/llsl-c80s1.pdf> (accessed: 10.04.2023).

других аналогий: по мнению того же С. Хантингтона, «офицерский корпус — нечто большее, нежели просто инструмент государства». В функции офицерского корпуса входит прежде всего обеспечение безопасности страны с помощью инструментов насилия. Цели дипломатии и офицерской службы совпадают, однако они используют противоположный инструментарий. Функция офицеров — обеспечивать национальную безопасность посредством военного насилия, а ответственность дипломатов — защищать национальные интересы политическими методами.

XX век во многом стал революционным для американской политической системы, а следовательно, и для внешнеполитического механизма. Если на протяжении первых 100 лет существования США государственные приоритеты и интересы внешней политики и национальной безопасности формулировались представителями класса, заместившего аристократию, в собственных интересах, то в XX в., особенно во второй его половине, проводимая внешняя политика должна была уже удовлетворять интересы среднего класса, в том числе в контексте политической активности.

Важную роль в трансформации американского внешнеполитического механизма сыграло повышение доступности получения профильного образования. По мере подключения новых групп населения к политическим процессам государственная служба теряла связь с аристократией. В начале XX в. появились первые университетские центры подготовки профессиональных дипломатов. В частности, в первой половине XX в. были учреждены университетские центры, в которых готовили специалистов по международным отношениям. Например, в Джорджтаунском университете факультет международных отношений появился в 1919 г., Школа Флетчера в Университете Тафтса открылась в 1933 г., Школа Кеннеди в Гарвардском университете была учреждена в 1936 г. В основном университетские центры по подготовке специалистов внешнеполитической службы появлялись на восточном побережье, в том числе в университетах «Лиги плюща»², что придавало им оттенок аристократизма. Тем не менее возможность получить образование и сделать карьеру дипломата появилась у большего количества американцев, в том числе представителей среднего класса. Согласно официальной

² Сеть старейших и наиболее престижных американских университетов, сосредоточенных в северо-восточной части Соединенных Штатов.

статистике в 1900 г. в Государственном департаменте работали 1228 человек, в 1940 г. — 1968, в 1960 г. — 13 294, а в 2000 г. — 15 751³. В его штатном расписании в 2019 г. значились 26 095 человек⁴. Такой стремительный рост численности сотрудников Государственного департамента в XXI в. обусловлен изменениями в американском внешнеполитическом механизме и расширением его функционала, что потребовало значительных человеческих ресурсов.

Наконец, важнейшими факторами, повлиявшими на изменения в американском внешнеполитическом механизме, стали отказ от «доктрины Монро» и постепенный отход от политики изоляционизма, доминировавшей на протяжении всего XIX в. Начиная с президента В. Вильсона внешняя политика стала предметом острой внутривластной дискуссии, разделившей политическую элиту на «глобалистов» и «изоляционистов». Такая дихотомия характерна для американской внешней политики и в XXI в. Глобализм до сих пор ассоциируется с Демократической партией, изоляционизм — с консервативно-республиканскими силами. Это наблюдение подтверждается опросами общественного мнения, о чем свидетельствует, в частности, исследование внешнеполитических взглядов сторонников «Движения чаепития»⁵, проведенное в 2012 г. [Rathbun, 2012]. В конце 2018 г. авторы социологического исследования по отношению американцев к внешней политике, выполненного компанией Pew, пришли к выводу, что большинство сторонников Демократической партии поддерживают развитие сотрудничества с союзниками, в то время как республиканские избиратели считают, что приоритетом внешней политики должно быть обеспечение во-

³ Department history // Office of the Historian. Available at: <https://history.state.gov/departmentshistory> (accessed: 10.04.2023).

⁴ HR fact sheet. Facts about our most valuable asset — our people: As of 3/31/2019 // U.S. Department of State. Available at: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/05/HR_Factsheet0319.pdf (accessed: 10.04.2023). Стоит пояснить, что цифра 77 243 включает 51 148 граждан, нанятых посольствами в других странах. Цифра 26 095 включает только американских граждан, находящихся на государственной службе.

⁵ «Движение чаепития» (Tea Party) — сформировавшаяся в конце 2000-х — начале 2010-х годов группа влиятельных членов Республиканской партии, оппозировавших леволиберальной политике президента Б. Обамы с правоконсервативных позиций. Название этого движения — отсылка к «Бостонскому чаепитию», акции против вмешательства британской короны в экономику колоний, предвавшей американскую революцию и провозглашение независимости.

енного превосходства⁶. Постепенно ситуация за пределами страны всё больше становилась фактором внутривнутриполитической конкуренции в США.

В этом отношении интересно мнение ряда американских историков, утверждающих, что решение В. Вильсона о вступлении в Первую мировую войну и сформулированные им 14 пунктов были обусловлены именно изоляционистскими взглядами. В частности, Дж. Кауфман полагает, что задумка президента заключалась в том, чтобы использовать американскую мощь для достижения и поддержания мира, а следовательно, гарантии того, что США не придется вновь участвовать в военном конфликте [Kaufman, 2021: 62]. Как полагали оппоненты В. Вильсона во внутренней политике, вступление США в Лигу Наций, напротив, неизбежно приведет к тому, что Вашингтон будет вынужден принять участие в войне в Европе, поэтому они блокировали инициативу президента.

В XX в. политика вовлечения США в европейские дела привела к консолидации ресурсов стран Запада и во многом определила содержание глобального конфликта на десятилетия вперед. Н. Фергюсон охарактеризовал этот конфликт как «Запад против остальных» (*the West vs. the rest*). Несмотря на то что военная сила оставалась одним из важнейших средств защиты национальных интересов, инструментарий внешнеполитического влияния был значительно диверсифицирован. Изменения в американском внешнеполитическом механизме отражались на отношениях как с союзниками, так и с соперниками.

Опасаясь, что государства Латинской Америки окажутся под влиянием Германии и европейских держав, президент Ф.Д. Рузвельт объявил о политике «доброго соседа» в отношении стран этого региона, имевших большое значение для американской экономики. Он учредил «Отдел по координации экономических и культурных отношений между американскими республиками» фактически для проведения политики «мягкой силы» [Cramer, Prutsch, 2006].

Вскоре после окончания Второй мировой войны стали очевидны рамки нового глобального конфликта — холодной войны. Соединенные Штаты не просто поддерживали европейских союзников, но претендовали на роль лидера свободного мира. Военная со-

⁶ Conflicting partisan priorities for U.S. foreign policy. Terrorism, protecting U.S. jobs top the public's agenda // Pew Research Center. 29.11.2018. Available at: <https://www.pewresearch.org/politics/2018/11/29/conflicting-partisan-priorities-for-u-s-foreign-policy/> (accessed: 10.04.2023).

ставляющая противостояния играла важную роль, тем более что обе стороны конфликта обладали ядерным оружием, вместе с тем наиболее активно применялись именно политические инструменты глобального противоборства. Американский внешнеполитический механизм быстро адаптировался для этих целей. В частности, революционные изменения в системе обеспечения национальной безопасности США произошли в рамках реформы президента Г. Трумэна. В 1947 г. он фактически предпринял попытку лишить Государственный департамент монополии на ведение внешней политики посредством создания в структуре исполнительной власти Совета по национальной безопасности. Задумка Г. Трумэна заключалась в том, чтобы подключить к внешнеполитическому механизму представителей Конгресса и разведывательное сообщество. Кроме того, важнейшей функцией СНБ стала подготовка Стратегии национальной безопасности — ключевого документа, содержащего публичные декларации относительно стратегических целей внешней политики США. Начиная с директивы СНБ-68 Совет обеспечивал долгосрочное планирование политики национальной безопасности в условиях холодной войны [Mabee, 2011]. Важным аспектом внешней политики становилась публичность, призванная обеспечить поддержку обществом внешнеполитических решений, которые тем самым оказывались значимым элементом внутривластной конкуренции. Американская законодательная власть также участвовала в развитии потенциала «мягкой силы». Сенатор У. Фулбрайт предложил программу финансирования проектов «иностранных студентов в сфере образования, науки и культуры», а «закон Смита–Мундта» регулировал вопросы американского теле- и радиовещания внутри и за пределами Соединенных Штатов.

Заметные изменения происходили и в структуре Государственного департамента, его работа адаптировалась к новым условиям. В 1942 г., во время Второй мировой войны, было учреждено Управление военной информации (Office of War Information), которое выполняло задачи военной пропаганды. Позднее, в мирное время, само управление было упразднено⁷, а его функции переданы в Го-

⁷ Executive Order 9608 — Providing for the Termination of the Office of War Information, and for the Disposition of Its Functions and of Certain Functions of the Office of Inter-American Affairs, August 31, 1945 // The American Presidency Project. Available at: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/executive-order-9608-providing-for-the-termination-the-office-war-information-and-for-the> (accessed: 10.04.2023).

сударственный департамент. В середине 1940-х годов в структуре ведомства была учреждена должность помощника государственного секретаря по публичной политике. Изначально в его функции входило, во-первых, объяснение американской общественности внешней политики Вашингтона, во-вторых — координация работы созданной в 1942 г. радиостанции «Голос Америки»⁸.

В 1948 г. в Государственном департаменте была учреждена Консультативная комиссия по публичной дипломатии (U.S. Advisory Commission on Public Diplomacy), которая предметно занималась разъяснением американской внешнеполитической позиции иностранным аудиториям⁹. В первом докладе Комиссии 1949 г. утверждалось: «...наши трансляции доступны широким массам людей, они проинформированы о правде и американской позиции»¹⁰. Комиссия является совещательным органом и вспомогательным инструментом публичной дипломатии США, состоящим из представителей экспертного и академического сообществ.

До появления интернета важнейшим инструментом идеологического противостояния оставались средства массовой информации. На протяжении холодной войны американский внешнеполитический аппарат стал активнее использовать СМИ и иные способы формирования общественного мнения в других странах, чтобы обеспечить поддержку решений, принимаемых Вашингтоном. Такую цель преследовали участники проекта «Соляриум», инициированного в тот период президентом Д. Эйзенхауэром¹¹. В основном ради решения этих задач в конце 1953 г. было создано Информационное агентство США (The United States Information Agency, USIA), кото-

⁸ Assistant Secretaries of State for Public Affairs // Office of the Historian. Available at: <https://history.state.gov/departmenthistory/people/principalofficers/assistant-secretary-for-public-affairs> (accessed: 10.04.2023).

⁹ U.S. Advisory Commission on Public Diplomacy // U.S. Department of State. Available at: <https://www.state.gov/bureaus-offices/under-secretary-for-public-diplomacy-and-public-affairs/office-of-policy-planning-and-resources-r-ppr/united-states-advisory-commission-on-public-diplomacy/> (accessed: 10.04.2023).

¹⁰ March 1949 — First semiannual Report by the US Advisory Commission on Information to the Congress // U.S. Department of State (archive). Available at: <https://2009-2017.state.gov/pdcommission/reports/174020.htm> (accessed: 10.04.2023).

¹¹ Advise the President: Dwight D. Eisenhower. How should the United States confront Soviet communist expansionism? // National Archives. P. 5. Available at: <https://www.archives.gov/files/presidential-libraries/advise-the-president/eisenhower-projectsolarium.pdf> (accessed: 10.04.2023).

рое было упразднено в 1999 г., когда его функции были переданы Государственному департаменту.

В конце 1980-х годов Дж. Най предложил термин «мягкая сила» для обобщения инструментов американской внешней политики, направленных на достижение и защиту национальных интересов с помощью средств убеждения в противовес принуждению. Он утверждал, что «мягкая сила позволяет достигать желаемых результатов, убеждая партнеров в том, что внешнеполитические цели совпадают. Таким образом, важнейшим фактором мягкой силы является привлекательность, которая в свою очередь зиждется на культуре, политических ценностях и дипломатической практике» [Nye, 2004: 14–15].

Государственный департамент окончательно терял монополию на проведение внешней политики, в структуре государственных и общественных институтов появлялись новые организации, дополнявшие его работу. В данном контексте нельзя не упомянуть Агентство по международному развитию (United States Agency for International Development, USAID), созданное в 1961 г. За более чем полувековую историю это ведомство также претерпело ряд изменений в своей работе. Сейчас оно выступает одним из основных институтов американской публичной дипломатии, обеспечивая американскую гуманитарную и политическую помощь¹² в целях поддержки демократических процессов, разумеется, уделяя особое внимание странам, представляющим интерес для национальной безопасности США.

Возможность влияния на принятие внешнеполитических решений открылась и для групп, отстаивающих в Вашингтоне интересы других стран. «Итогом изменений института лоббизма в США в последние три десятилетия стало то, что группы интересов полностью поменяли свое отношение к центрам власти — от пассивной зависимости они перешли к проактивным действиям, став ключевыми субъектами влияния» [Каневский, 2020: 94]. При поддержке национальных диаспор в США политической деятельностью занимаются институты этнического лоббизма.

Среди внешнеполитических инструментов появляется новый — партийная дипломатия. Обе лидирующие партии ведут весьма

¹² USAID history: Celebrating sixty years of progress // USAID. Available at: <https://www.usaid.gov/who-we-are/usaid-history> (accessed: 10.04.2023).

активную внешнеполитическую деятельность. Опросы общественного мнения регулярно фиксируют различные взгляды избирателей демократов и республиканцев на вопросы внешней политики¹³. Представители партий оказывают влияние на Государственный департамент и другие институты американской внешней политики, в том числе за рубежом, для приоритетного удовлетворения соответствующих интересов. С этой целью в 1980-е годы были учреждены неправительственные организации, аффилированные с обеими партиями. Национальный фонд демократии (National Endowment for Democracy) объединил деятельность прореспубликанских исследовательских центров. Национальный демократический институт по международным вопросам получил поддержку структур, связанных с Демократической партией. К началу XXI в. эти институты развернули масштабную деятельность во многих странах. Они стали дополнительным каналом для прямого контакта между гражданским обществом и американской политической системой.

В этой связи можно заключить, что одной из магистральных линий развития в рамках почти 250-летней эволюции американской политической системы была ее поступательная демократизация, призванная подключить к политическим процессам все группы населения. Так, в результате реформ президента Э. Джексона первой половины XIX в. мелкие собственники стали участниками политического взаимодействия. После победы Севера в Гражданской войне во второй половине XIX в. бывшие рабы формально получили право голоса. Его применение столкнулось со многими проблемами, тем не менее было запущено движение за права чернокожих, большой победой которого стало принятие Закона о гражданских правах почти 100 лет спустя. Движение суфражисток в начале XX в. добилось избирательного права для женщин. На рубеже XX–XXI вв. эти тенденции приобрели качественно новый размах. Ситуация, когда формирование американской внешней политики происходило с учетом интересов только «богатых белых джентльменов», безвозвратно ушла в прошлое.

¹³ Conflicting partisan priorities for U.S. foreign policy. Terrorism, protecting U.S. jobs top the public's agenda // Pew Research Center. 29.11.2018. Available at: <https://www.pewresearch.org/politics/2018/11/29/conflicting-partisan-priorities-for-u-s-foreign-policy/> (accessed: 10.04.2023).

Публичная дипломатия и особенности американского внешнеполитического механизма в XXI в.

К началу XXI в. в США в условиях повсеместного распространения потребительской электроники и массового спроса на нее взаимодействие общества и власти вышло на качественно новый уровень. Важнейшими факторами внутривнутриполитической конкуренции стали публичность, политические технологии и организация связей с общественностью. Интернет, социальные сети открыли практически неограниченные возможности для политической агитации. В отличие от телевидения и радио, цифровой контент не привязан к эфирному времени, причем современные технологии позволяют индивидуализировать политическую агитацию практически для каждого избирателя. Инструменты политической конкуренции становились разнообразнее. Для формирования общественного мнения всё чаще стали привлекаться представители массовой культуры и искусства.

Анализ Центра ответственной политики свидетельствует, что с 2000 г. намечилось резкое увеличение расходов на предвыборные кампании в США, особенно на статью «медиа». В 2008 г. Б. Обама потратил на эти цели 422,2 млн долл., или 57,2% его предвыборного бюджета¹⁴, расходы Дж. Маккейна на медиа составили 69,7 млн (31,2%)¹⁵, Дж. Байдена¹⁶ в 2020 г. — 839 млн (79,3%), а Д. Трампа — 544,6 млн долл. (68,4%)¹⁷. Эти данные наглядно доказывают, что публичная деятельность становится всё более востребованной в политической борьбе.

Технологии и инструменты внутривнутриполитической конкуренции стали применяться и во внешней политике. Иностранные представительства начали использовать интернет для прямой коммуникации с гражданским обществом в других странах. Под влиянием этих

¹⁴ Barack Obama (D). Expenditures breakdown, 2008 cycle // Open Secrets. Available at: <https://www.opensecrets.org/pres08/ expend.php?cid=N00009638> (accessed: 10.04.2023).

¹⁵ John McCain (R). Expenditures breakdown, 2008 cycle // Open Secrets. Available at: <https://www.opensecrets.org/pres08/ expend.php?cycle=2008&cid=N00006424> (accessed: 10.04.2023).

¹⁶ Expenditures breakdown, Joe Biden, 2020 cycle // Open Secrets. Available at: <https://www.opensecrets.org/2020-presidential-race/joe-biden/ expenditures?id=N00001669> (accessed: 10.04.2023).

¹⁷ Expenditures breakdown, Donald Trump, 2020 cycle // Open Secrets. Available at: <https://www.opensecrets.org/2020-presidential-race/donald-trump/ expenditures?id=N00023864> (accessed: 10.04.2023).

нововведений происходили изменения во внешнеполитическом механизме США: интернет-технологии, социальные сети использовались для социологических исследований, более глубокого понимания общественных настроений за рубежом, что усиливало аргументацию дипломатов. Более того, США получили возможность более детально объяснять официальную позицию и даже влиять на формирование общественного мнения. Новую актуальность приобрел инструментарий «мягкой силы».

Одним из наиболее ярких практических воплощений концепции «мягкой силы» можно считать внешнюю политику Б. Обамы. Стратегия национальной безопасности его администрации готовилась в условиях жесткого финансового-экономического кризиса, осознания того, что США завязли в двух масштабных конфликтах на Ближнем Востоке. В ней уже явно прослеживалась идея отказа США от сверхдержавных амбиций, а также декларировался приоритет применения ненасильственных инструментов внешней политики для защиты американских интересов.

В период президентства Б. Обамы Государственный департамент под руководством Х. Клинтон стал активно развивать инструментарий прямого взаимодействия Вашингтона с институтами гражданского общества за рубежом. Администрация предприняла попытку институционализировать подобную деятельность. В 2010¹⁸ и 2015 гг.¹⁹ Государственный департамент опубликовал «Четырехгодичные обзоры дипломатии и развития», в которых описывались усилия Вашингтона в данной области. При администрации Д. Трампа на фоне роста изоляционистских настроений практика публикации таких отчетов прекратилась. Тем не менее можно констатировать, что публичная дипломатия остается приоритетным направлением развития внешней политики США. Об этом, в частности, свидетельствует рост расходов на соответствующие цели в бюджете Государственного департамента. Так, бюджетный запрос на 2023 фин. г. по

¹⁸ Leading Through Civilian Power. The First Quadrennial Diplomacy and Development Review, 2010 // U.S. Department of State (archive). Available at: <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/153142.pdf> (accessed: 10.04.2023).

¹⁹ Enduring Leadership in a Dynamic World: Quadrennial Diplomacy and Development Review, 2015 // U.S. Department of State (archive). Available at: <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/241429.pdf> (accessed: 10.04.2023).

статье расходов на публичную дипломатию составил более 700 млн долл.²⁰, в 2022 г. он был на уровне 617 млн долл., а в 2021 — 620 млн.

Важнейшим инструментом публичной дипломатии остаются СМИ. Согласно Закону о международном информационном вещании 1994 г. (United States International Broadcasting Act of 1994)²¹ в структуре USIA был создан Совет директоров телерадиовещателей (Broadcasting Board of Governors; BBG), в состав которого также входил государственный секретарь. Совет объединил несколько десятков теле- и радиостанций, вещающих на 28 языках практически во всех странах мира. Наиболее известными из них являются «Голос Америки», «Свободная Европа», «Радио Свобода»²². Позднее Совет был реорганизован в Агентство глобальных медиа США (United States Agency for Global Media; USAGM)²³. СМИ, входящие в Агентство, финансируются государством и соответственно транслируют официальную позицию. Вместе с тем стоит отметить, что негосударственные американские медиа также имеют масштабное представительство в мире.

В 2016 г. впервые было признано превосходство цифровых медиа над традиционными. В отчете USAGM утверждалось, что деятельность американских медиа в цифровом пространстве становится более приоритетной, поскольку аудитории во многих странах активнее используют мобильные устройства для доступа в интернет²⁴. Кроме того, во многих странах мира доля активных пользователей Сети сопоставима с количеством политически активного населения. Начиная с 2020 г. USAGM публикует статистику о размерах аудито-

²⁰ Congressional Budget Justification. Appendix 1: Department of State Diplomatic Engagement, Fiscal year 2023 // U.S. Department of State. P. 166. Available at: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2022/05/FY-2023-CBJ-Appendix-1-Full-Documents-Final.pdf> (accessed: 10.04.2023).

²¹ International Broadcasting Act (Foreign Relations Authorization Act, Fiscal Years 1994 and 1995) // U.S. Agency for Global Media. Available at: <https://www.usagm.gov/who-we-are/oversight/legislation/international-broadcasting-act/> (accessed: 10.04.2023).

²² Weed M.C. U.S. international broadcasting: Background and issues for reform, December 15, 2016 // Congressional Research Service. P. 10. Available at: <https://fas.org/sgp/crs/row/R43521.pdf> (accessed: 10.04.2023).

²³ См. подробнее: The history of U.S. civilian international broadcasting // U.S. Agency for Global Media. Available at: <https://www.usagm.gov/who-we-are/history/> (accessed: 10.04.2023).

²⁴ Broadcasting Board of Governors. 2016 Annual report // U.S. Agency for Global Media. P. 28. Available at: https://www.usagm.gov/wp-content/media/2017/06/BBG_2016_Annual_Report_Final.pdf (accessed: 10.04.2023).

рии в социальных медиа. К примеру, в 2021 г. количество реакций на посты «Голоса Америки» и «Свободной Европы» в социальных сетях Facebook и Twitter составляло около 9 млн²⁵. Общая аудитория в мире в 2022 г. насчитывала более 400 млн уникальных пользователей²⁶.

Большое значение для публичной политики имеют крупнейшие мировые технологические платформы, формирующие социальные сети, в первую очередь Facebook и Twitter. Именно они являются универсальным «средством доставки» политической аргументации массовому потребителю, будь то избиратель внутри Соединенных Штатов или аудитория в других странах. Новые возможности для взаимодействия американских внешнеполитических структур с институтами гражданского общества за рубежом открывают интернет-платформы на базе технологий Web 2.0 [Cull, 2013].

Беспокойство американских политиков в этой связи вызывает то, что информационно-технологические гиганты, предоставляющие услуги социальных сетей, становятся самостоятельными и весьма влиятельными политическими акторами. Особенно активно данный аспект обсуждался в контексте сообщений о вмешательстве в выборы 2016 г. Речь тогда шла не о влиянии Вашингтона за рубежом, а об обнаружившейся уязвимости в алгоритмах работы платформ социальных сетей, позволяющих иностранным структурам воздействовать на формирование общественного мнения внутри США. По итогам ряда слушаний, на которых выступали руководители Facebook, Twitter и YouTube, Конгресс принял меры, связанные с информационной безопасностью работы социальных сетей. Аналогичные меры принимаются и в других странах, в которых американские социальные медиа используются для влияния на общественное мнение.

Примечательно, что под руководством госсекретаря Э. Блинкена в структуре Государственного департамента было учреждено новое бюро по вопросам киберпространства и цифровой политики²⁷, объ-

²⁵ FY 2023: Congressional Budget Justification // U.S. Agency for Global Media. P. 111. Available at: https://www.usagm.gov/wp-content/uploads/2022/03/USAGMBudget_FY23_CBJ_03-25-22-FINAL.pdf (accessed: 10.04.2023).

²⁶ Audience and impact review 2022 // U.S. Agency for Global Media. Available at: https://www.usagm.gov/wp-content/uploads/2023/01/USAGM_Audience_and_Impact_Report_2022.pdf (accessed: 10.04.2023).

²⁷ Establishment of the Bureau of Cyberspace and Digital Policy // U.S. Department of State. 04.04.2022. Available at: <https://www.state.gov/establishment-of-the-bureau-of-cyberspace-and-digital-policy/> (accessed: 10.04.2023).

единившее направления международного регулирования вопросов киберпространства и публичной дипломатии.

Описанные нововведения в работе внешнеполитического механизма США, в особенности Государственного департамента, привели к тому, что Вашингтон сформировал мощный дипломатический ресурс. Практически в каждой стране мира Соединенные Штаты имеют масштабное и разноплановое дипломатическое присутствие, обеспечивающее тесное двустороннее взаимодействие посредством вовлечения местного гражданского общества.

Приоритеты публичной дипломатии в контексте внешнеполитических задач США

Очевидно, что применение Соединенными Штатами инструментов публичной дипломатии приводит к неодинаковым результатам в разных странах. Впрочем, универсальная оценка эффективности этого инструментария едва ли возможна, поскольку в отношении каждого отдельного внешнеполитического партнера Вашингтон решает различные задачи. Упомянутая концепция «мягкой силы», сформулированная Дж. Наем, породила целый пласт компаративистских исследований, предлагающих различные подходы и методики оценки и сравнения «мягкой силы» разных стран. При этом, хотя многие эксперты подчеркивают, что «сила не является неотъемлемым атрибутом актора, действующего на международной арене, а возникает только в процессе конкретного взаимодействия и только его характеризует» [см., например: Юдин, 2014: 138], что «материальные и нематериальные ресурсы формируют потенциал силы, но никак не ее саму», а «сила в международных отношениях возникает тогда, когда потенциал начинает трансформироваться в конкретные политические шаги, направленные на достижение конкретных политических целей» [Юдин, 2014: 139], на практике попытки измерить и оценить «мягкую силу» того или иного государства, как правило, сводятся именно к измерению количественными или эконометрическими показателями тех или иных его ресурсов.

О приоритетах американской публичной дипломатии свидетельствуют данные расходов внешнеполитического ведомства по странам, представленные, в частности, в отчете Консультативной комиссии по публичной дипломатии Государственного департамента США (таблица).

**Расходы на публичную дипломатию Государственного департамента США
в 2018–2021 гг. (долл. США)**

Страна	2018	2019	2020	2021
Пакистан	34 340 000	26 830 000	28 837 000	28 837 000
Афганистан	38 167 000	38 270 000	17 674 000	17 674 000
Украина	8 376 000	12 640 000	11 910 000	11 760 000
Россия	11 236 000	11 850 000	11 410 000	11 730 000
Ирак	17 610 000	16 870 000	16 870 000	10 500 000
Китай	7 971 465	8 105 970	6 465 438	9 693 851
Япония	9 448 000	9 617 888	9 152 043	8 372 449
Индия	7 779 457	8 320 000	7 698 100	7 933 820
Германия	6 330 320	6 270 000	5 640 000	6 570 000
Индонезия	7 298 396	5 274 011	5 788 431	6 430 886

Источник: Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy & International Broadcasting²⁸.

Из представленных данных следует, что приоритетными направлениями американской публичной дипломатии являются как государства-партнеры и близкие союзники США, такие как Япония и Германия, так и соперники, в частности Китай, Россия. К примеру, данная таблица наглядно отражает изменение политики в отношении Афганистана в связи с выводом американских войск в 2020 г.: бюджет публичной дипломатии в этой стране сократился более чем в два раза.

В отчете также представлены профили каждой страны, отражающие возможности информационной деятельности Соединенных Штатов. К важнейшим характеристикам относятся показатели распространения интернета, популярности социальных сетей, а также свободы слова, государственного контроля над информационным пространством.

²⁸ Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy & International Broadcasting: Focus on FY 2021 Budget Data // U.S. Department of State. P. 6. Available at: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2022/12/FINAL_2022_ACPD_AnnualReport_508Ready.pdf (accessed: 10.04.2023).

Помочь более полному пониманию возможностей американской публичной дипломатии может обращение к изучению качественных изменений в двусторонних отношениях с государствами, принадлежащими к так называемым западным демократиям. Ближайшие партнеры Соединенных Штатов следуют их примеру и применяют аналогичные технологии публичной дипломатии в своей внешнеполитической практике. Примечательно, что, как и в США, в Европейском союзе внутренняя политическая конкуренция прямо отражается на его международно-политической деятельности, в которой инструменты публичной дипломатии традиционно играют особую роль. В частности, долгосрочная стабильность трансатлантических отношений во многом обеспечивается тесным взаимодействием между различными внутривнутриполитическими государственными и негосударственными акторами [Song, Fanoulis, 2022]. По мнению американского исследователя М. Тиеля, «внешняя политика Европейского союза в значительной мере опирается на публичную дипломатию для поддержания международной репутации, при этом Представительство ЕС в Вашингтоне играет центральную роль в контексте отношений с Соединенными Штатами» [Thiel, 2022]. В Глобальной стратегии Европейского союза декларируется, что «благодаря публичной дипломатии развиваются международное сотрудничество и дискуссии о насущных проблемах человечества, происходит обмен мнениями, обеспечивается коммуникация между гражданским обществом и государственными институтами на национальном, европейском и глобальном уровнях»²⁹. В 2016 г. министры иностранных дел ЕС приняли решение о том, что публичная дипломатия должна быть одним из стратегических приоритетов реализации Глобальной стратегии Европейского союза. В рамках проекта «Глобальные ворота» (Global Gateway) ЕС намерен потратить 300 млрд евро до 2027 г.³⁰ на инициативы в области культурного, образовательного, научного обмена и поддержку институтов гражданского общества за рубежом.

²⁹ EU public diplomacy: Creating spaces for global conversations // The Diplomatic Service of the European Union. 26.04.2022. Available at: https://www.eeas.europa.eu/eeas/public-diplomacy_en#45912 (accessed: 10.04.2023).

³⁰ A stronger Europe in the world: Reinforcing our responsible global leadership // European Commission. Available at: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/stronger-europe-world_en (accessed: 10.04.2023).

В определенном смысле инструменты публичной дипломатии — это способ решить внешнеполитические задачи методами внутриполитической конкуренции. В Европе в странах с конкурентной политической системой информационная деятельность институтов американской публичной дипломатии не вызывает отторжения. Напротив, американский опыт перенимается и применяется в отношении самих Соединенных Штатов.

Начиная с первой половины XX в. эволюция внешней политики США была обусловлена как распространением их интересов за пределы Североамериканского континента, прежде всего в Азиатско-Тихоокеанский регион и Европу, так и непрерывным развитием их внутривнутриполитической системы. За последние 100 лет в ней произошли заметные изменения, в первую очередь обусловленные ее демократизацией, изначально связанной с ростом влияния среднего класса. Неуклонное вовлечение всё более широких слоев населения в формирование внешнеполитической повестки, а также расширение возможностей их непосредственного участия в ее реализации обусловили превращение публичной дипломатии в одно из ключевых направлений внешней политики США. Эти тенденции особенно ускорились в последние десятилетия. В этот период происходил наиболее стремительный рост количества пользователей интернета в мире, в особенности социальных сетей. Данное обстоятельство открывало перед Соединенными Штатами возможность устанавливать прямой контакт с гражданским обществом в других странах. Новый импульс развитию институтов публичной дипломатии США придал приход к власти администрации Б. Обамы с ее глобалистской внешнеполитической стратегией. В период президентства Б. Обамы были проведены масштабные реформы, учреждены новые организационные структуры, расширена работа Государственного департамента.

В то же время использование инструментов публичной дипломатии сопряжено с рядом трудностей. Какие-то из них давно находятся в фокусе внимания ученых и политиков-практиков. В частности, речь идет о проблеме оценки эффективности данного инструментария. Другие же проявились относительно недавно. Так, распространение интернет-технологий не только расширило возможности американской публичной дипломатии по взаимодействию с зарубежной аудиторией, но и сделало сами США более открытыми

для аналогичных действий со стороны других субъектов мировой политики, остро поставив вопрос о возможностях иностранного вмешательства в политическую жизнь страны. В этом контексте особый интерес с точки зрения будущих исследований представляет изучение опыта взаимодействия Соединенных Штатов с политически и идеологически близкими им странами Европейского союза, которое позволит лучше понять возможности и границы американского инструментария публичной дипломатии, опирающегося на структуры развитого гражданского общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арбатов Г.А. Идеологическая борьба в современных международных отношениях. Доктрина, методы и организация внешнеполитической пропаганды империализма. М.: Политиздат, 1970.
2. Барышников Д.Н. Публичная дипломатия и многостороннее сотрудничество в альянсе цивилизаций ООН // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2013. Т. 9. № 2. С. 14–23.
3. Баталов Э.Я. Мировое развитие и мировой порядок: анализ современных американских концепций. М.: РОССПЭН, 2005.
4. Богданов Р.Г., Кокошин А.А. США: информация и внешняя политика. М.: Наука, 1979.
5. Войтоловский Ф.Г. Единство и разобщенность Запада: идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформаций политического миропорядка, 1940–2000-е гг. М.: Крафт-плюс, 2007.
6. Долинский А.В. Дискурс о публичной дипломатии // Международные процессы. 2011. Т. 9. № 1 (25). С. 63–73.
7. Иванян Э.А. Мадлен Олбрайт. М.: ИНИОН РАН, 2000.
8. Каневский П.С. Институт лоббизма в XXI веке: сравнительный анализ. М.: Канон-плюс, 2020.
9. Козлов Л.Е. Применение культурных инструментов в современной внешнеполитической практике // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 12 (267). С. 7–16.
10. Кортунов А.В. Мир в новой редакции: Сборник статей. М.: РСМД, 2022.
11. Паршин П.Б. Мягкая сила в лабиринте дискуссий. М.: МГИМО-Университет, 2020.
12. Печатнов В.О., Маныкин А.С. История внешней политики США. М.: Международные отношения, 2012.
13. Рогов С.М. 11 сентября 2001 г.: реакция США и последствия для российско-американских отношений. М.: Институт США и Канады РАН, 2001.
14. Самуйлов С.М. Внешнеполитический механизм США: эволюция, реформирование, проблемы. М.: Прометей, 2009.

15. Согрин В.В. Американская империя. Происхождение. Этапы. Современность. М.: Международные отношения, 2022.
16. Фокин В.И. Международный культурный обмен и СССР в 20–30-е гг. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999.
17. Цветкова Н.А. Публичная дипломатия администрации Д. Трампа: институциональные и политические вызовы // *Americana*. Вып. 16: Американцы в революционной России: Сборник статей / Под ред. А.И. Кубышкина, И.И. Куриллы. Волгоград: Издательство Волгоградского университета, 2020. С. 236–249.
18. Юдин Н.В. Жесткий взгляд на «мягкую силу». Критический анализ монографии Дж. Ная «Будущее власти» // *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. 2014. № 2. С. 134–163.
19. Cramer G., Prutsch U. Nelson A. Rockefeller's office of inter-American affairs (1940–1946) and record group 229 // *Hispanic American Historical Review*. 2006. Vol. 86. No. 4. P. 785–806. DOI: 10.1215/00182168-2006-050.
20. Cull N.J. The long road to public diplomacy 2.0: The Internet in US public diplomacy // *International Studies Review*. 2013. Vol. 15. No. 1. P. 123–139. DOI: 10.1111/misr.12026.
21. Huntington S. The soldier and the state: The theory and politics of civil-military relations. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press, 1957.
22. Kaufman J.P. A concise history of U.S. foreign policy. Lanham: Rowman & Littlefield, 2021.
23. Mabey B. Historical institutionalism and foreign policy analysis: The origins of the national security council revisited // *Foreign Policy Analysis*. 2011. Vol. 7. No. 1. P. 27–44. DOI: 10.1111/j.1743-8594.2010.00121.x.
24. Nye J.S. Soft power: The means to success in world politics. New York: Public Affairs, 2004.
25. Rathbun B. Steeped in international affairs? The foreign policy views of the Tea Party // *Foreign Policy Analysis*. 2012. Vol. 9. No. 1. P. 1–17. DOI: 10.1111/j.1743-8594.2012.00196.x.
26. Song W., Fanoulis E. Global perspectives on European Union public diplomacy: An introduction // *Journal of Contemporary European Studies*. 2022. Vol. 31. No. 1. P. 1–7. DOI: 10.1080/14782804.2022.2156486.
27. Thiel M. EU public diplomacy in the United States: Socio-political challenges & EU delegation agency // *Journal of Contemporary European Studies*. 2022. Vol. 31. No. 1. P. 8–20. DOI: 10.1080/14782804.2022.2084049.
28. Viereck P. The aristocratic origin of American freedom // *Southwest Review*. 1952. Vol. 37. No. 4. P. 331–334.

REFERENCES

1. Arbatov G.A. 1970. *Ideologicheskaya bor'ba v sovremennykh mezhdu-narodnykh otnosheniyakh. Doktrina, metody i organizatsiya vneshnepoliticheskoi*

propagandy imperIALIZMA [Ideological struggle in modern international relations. Doctrine, methods and organization of foreign policy propaganda of imperialism]. Moscow, Politizdat Publ. (In Russ.)

2. Baryshnikov D.N. 2013. Publichnaya diplomatiya i mnogostoronnee sotrudnichestvo v al'yanse tsivilizatsii OON [Public diplomacy and multilateral cooperation in the UN Alliance of Civilizations]. *Political Expertise: POLITEX*, vol. 9, no. 2, pp. 14–23. (In Russ.)

3. Batalov E.Ya. 2005. *Mirovye razvitiye i mirovyy porядok: analiz sovremennykh amerikanskikh kontseptsii* [World development and world order: An analysis of modern American concepts]. Moscow, ROSSPEN Publ. (In Russ.)

4. Bogdanov R.G., Kokoshin A.A. 1979. *SShA: informatsiya i vneshnyaya politika* [USA: Information and foreign policy]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

5. Voitlovskii F.G. 2007. *Edinstvo i razobshchennost' Zapada: ideologicheskoe otrazheniye v soznanii elit SShA i Zapadnoi Evropy transformatsii politicheskogo miroporядka, 1940–2000-e gg.* [Unity and disunity of the West: Ideological reflection of transformations of a political world order in 1940–2000 in the consciousness of elites of the USA and the Western Europe]. Moscow, Kraft-plyus Publ. (In Russ.)

6. Dolinskii A.V. 2011. Diskurs o publichnoi diplomatii [Public diplomacy discourse]. *International Trends*, vol. 9, no. 1 (25), pp. 63–73. (In Russ.)

7. Ivanyan E.A. 2000. *Madlen Olbrait* [Madeleine Albright]. Moscow, INION RAN Publ. (In Russ.)

8. Kanevskii P.S. 2020. *Institut lobbizma v XXI veke: sravnitel'nyi analiz* [Institute of lobbying in the 21st century: A comparative analysis]. Moscow, Kanon-plyus Publ. (In Russ.)

9. Kozlov L.E. 2012. Primeneniye kul'turnykh instrumentov v sovremennoi vneshnepoliticheskoi praktike [Using of cultural instruments in contemporary foreign policy]. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, no. 12 (267), pp. 7–16. (In Russ.)

10. Kortunov A.V. 2022. *Mir v novoi redaktsii: Sbornik statei* [The world in a new edition: A collection of articles]. Moscow, RIAC Publ. (In Russ.)

11. Parshin P.B. 2020. *Myagkaya sila v labirinte diskussii* [Soft power in the maze of discussions]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ. (In Russ.)

12. Pechatnov V.O., Manykin A.S. 2012. *Istoriya vneshnei politiki SShA* [History of the US foreign policy]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. (In Russ.)

13. Rogov S.M. 2001. *11 sentyabrya 2001 g.: reaktsiya SShA i posledstviya dlya rossiisko-amerikanskikh otnoshenii* [September 11, 2001: US reaction and implications for Russian-American relations]. Moscow, Institut SShA i Kanady RAN Publ. (In Russ.)

14. Samuilov S.M. 2009. *Vneshnepoliticheskii mekhanizm SShA: evolyutsiya, reformirovaniye, problemy* [The US foreign policy machinery: Evolution, reforms, and challenges]. Moscow, Prometei Publ. (In Russ.)

15. Sogrin V.V. 2022. *Amerikanskaya imperiya. Proiskhozhdeniye. Etapy. Sovremennost'* [The American empire. Origins. Stages. Modernity]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. (In Russ.)

16. Fokin V.I. 1999. *Mezhdunarodnyi kul'turnyi obmen i SSSR v 20–30-e gg.* [International cultural exchange and the USSR in the 1920–30s.]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta Publ. (In Russ.)
17. Tsvetkova N.A. 2020. Publichnaya diplomatiya administratsii D. Trampa: institutsional'nye i politicheskie vyzovy [Public diplomacy of the Trump administration: Institutional and political challenges]. In: Kubyshkin A.I., Kurilla I.I. (eds.). *Americana. Vyp. 16: Amerikantsy v revolyutsionnoi Rossii: Sbornik statei* [Americana. Iss. 16: Americans in the revolutionary Russia: Collection of articles]. Volgograd, Izdatel'stvo Volgogradskogo universiteta Publ., pp. 236–249. (In Russ.)
18. Yudin N.V. 2014. Zhestkii vzglyad na 'myagkuyu silu'. Kriticheskii analiz monografii Dzh. Naya 'Budushchee vlasti' [Hard look at 'soft power'. Critical reflections on 'The future of power' by Joseph S. Nye]. *Lomonosov World Politics Journal*, no. 2, pp. 134–163. (In Russ.)
19. Cramer G., Prutsch U. 2006. Nelson A. Rockefeller's office of inter-American affairs (1940–1946) and record group 229. *Hispanic American Historical Review*, vol. 86, no. 4, pp. 785–806. DOI: 10.1215/00182168-2006-050.
20. Cull N.J. 2013. The long road to public diplomacy 2.0: The Internet in US public diplomacy. *International Studies Review*, vol. 15, no. 1, pp. 123–139. DOI: 10.1111/misr.12026.
21. Huntington S. 1957. *The soldier and the state: The theory and politics of civil-military relations*. Cambridge, Belknap Press of Harvard University Press.
22. Kaufman J.P. 2021. *A concise history of U.S. foreign policy*. Lanham, Rowman & Littlefield.
23. Mabey B. 2011. Historical institutionalism and foreign policy analysis: The origins of the national security council revisited. *Foreign Policy Analysis*, vol. 7, no. 1, pp. 27–44. DOI: 10.1111/j.1743-8594.2010.00121.x.
24. Nye J.S. 2004. *Soft power: The means to success in world politics*. New York, Public Affairs.
25. Rathbun B. 2012. Steeped in international affairs? The foreign policy views of the Tea Party. *Foreign Policy Analysis*, vol. 9, no. 1, pp. 1–17. DOI: 10.1111/j.1743-8594.2012.00196.x.
26. Song W., Fanoulis E. 2022. Global perspectives on European Union public diplomacy: An introduction. *Journal of Contemporary European Studies*, vol. 31, no. 1, pp. 1–7. DOI: 10.1080/14782804.2022.2156486.
27. Thiel M. 2022. EU public diplomacy in the United States: Socio-political challenges & EU delegation agency. *Journal of Contemporary European Studies*, vol. 31, no. 1, pp. 8–20. DOI: 10.1080/14782804.2022.2084049.
28. Viereck P. 1952. The aristocratic origin of American freedom. *Southwest Review*, vol. 37, no. 4, pp. 331–334.

Статья поступила в редакцию 26.09.2022; одобрена после рецензирования 10.04.2023; принята к публикации 22.05.2023

The paper was submitted 26.09.2022; approved after reviewing 10.04.2023; accepted for publication 22.05.2023